

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.6)
EDN [SQOTPU](https://edn.sqotpu.ru)
УДК 324(470)

О. И. Шаталов¹
¹ МГПУ. Москва, Россия

СПЕЦИФИКА СУБНАЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПОБЕД ОППОЗИЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей регионального и муниципального уровней российской политики, как препятствующих, так и благоприятствующих победам оппозиции на субнациональных выборах. Среди выявленных для оппозиции трудностей находятся мажоритарная избирательная система и метод распределения мандатов Империи с его модификациями, предоставляющие электоральные преимущества правящей партии; муниципальный фильтр и запрет самовыдвижения на губернаторских выборах; низкая явка при неорганизованности оппозиции; способность федеральной власти концентрировать бюджетные и иные ресурсы на проходящие избирательные кампании. Способствуют оппозиции такие особенности субнациональной политики, как межэлитная борьба, возможность при борьбе с региональной и муниципальной властью апеллировать к федеральному центру, возможность получить электоральное преимущество при низкой явке в случае консолидации оппозиции, слабость субнациональных органов власти из-за централистской специфики государственного управления в России, меньшее число фактических барьеров для входа в политику, наличие особо протестных территорий. Позитивные для оппозиции особенности субнациональной политики перевешивают негативные, что и является одной из главных причин её побед на многих муниципальных и региональных выборах. Данный факт, в свою очередь, затрудняет оппозиции перенос данного опыта на федеральный уровень. Автор делает вывод, что при нормальном функционировании политической системы России электоральные победы субнациональной оппозиции не несут опасности для неё, однако при возможном ослаблении системы успехи оппозиции за счёт воодушевления протестного электората и дезертирства элит могут быть расширены как в горизонтальной, так и вертикальной плоскостях.

Ключевые слова: оппозиция, субнациональная оппозиция, протестное голосование, региональный политический процесс, муниципальные выборы, избирательная система, политический режим

Для цитирования: Шаталов О. И. Специфика субнационального уровня политики как фактор электоральных побед оппозиции // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 80–98. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.6). EDN [SQOTPU](https://edn.sqotpu.ru).

Введение. Российский политический режим характеризуется административной контролируемостью и низкой конкурентностью выборов. В истории современной России федеральной оппозиции никогда не удавалось сменить власть в результате выборов. Тем не менее, это иногда удавалось субнациональной оппозиции. В 2018 г. кандидаты от власти потерпели поражение в рекордном в рамках существующего политического режима числе региональных и муниципальных выборов. Оппозиция победила на выборах legislatures Иркутской области, Забайкальского края, Республики Хакасия, выборах главы региона в той же Хакасии, Владимирской области и Хабаровском крае, выборах муниципальных собраний депутатов Архангельска и Великого Новгорода. В том

© Шаталов О. И., 2026

же году кандидат от оппозиции победил на выборах мэра Якутска. В 2019 году ЛДПР получила абсолютное число мандатов в Законодательной Думе Хабаровского края. В 2020 году кандидаты от власти проиграли выборы в представительные органы трёх административных центров регионов: Новосибирска, Томска и Тамбова. Завершился данный ряд побед оппозиции в 2021 г. на выборах в легислатуру Алтайского края.

Предыдущий «всплеск» электоральных побед оппозиции был по масштабу меньше, чем в 2018–2021 гг., но больше, чем в 2000-е. В 2011 году кандидаты от власти проиграли на выборах в заксобранья Санкт-Петербурга, Республики Карелия и Амурской области, которые были совмещены с выборами в Государственную Думу. В 2012–2013 годах в Ярославле, Екатеринбурге и Петрозаводске на выборах мэра победили оппозиционные кандидаты. В 2013 г. оппозиция выиграла выборы в Красноярский городской совет депутатов.

В научной литературе выделяется множество причин данных успехов оппозиционных сил, в частности, недовольство населения социально-экономической политикой государства, раскол элит, коррупционные скандалы, снижение доли государственных предприятий в экономике и ошибки в избирательной кампании инкубентов [1; 2]. Однако главный вопрос состоит в том, не является ли определяющим фактором здесь специфика субнациональных политических процессов и институтов? Целью данной статьи является анализ данной специфики и оценка того, позволяют ли эти кейсы сделать заключение, что победа оппозиции вероятна и на федеральных выборах.

Теоретическая и эмпирическая база исследования. Исследование российской субнациональной политики представлено множеством работ. Р. Ф. Туровский определял субнациональную политику как «взаимодействие политических акторов, среди которых представлены субнациональные акторы, имеющие конкретную локализацию», и выделял её как перспективную область исследований, призванную объединить исследования региональной и локальной политики [3, с. 89]. В литературе описаны такие особенности субнациональной политики, как внутриэлитная борьба [4; 5; 6], автономность региональных объединений оппозиционных партий [7], бóльшая политическая значимость непарламентских партий [8; 9] и низкая явка [10]. Большой пласт исследований посвящён межрегиональным и внутрирегиональным различиям, влияющим на уровень протестного голосования [11–21]. Ряд работ изучает особенности политических процессов муниципального уровня, которые отличают его не только от федерального, но и от регионального уровня [22–27].

Внутри субнациональной политики как области политических исследований важно выделить исследования, посвящённые субнациональной оппозиции. Н. В. Гришин предлагал определять политическую оппозицию как оппонента правящей группы, выступающего против неё с помощью средств политической борьбы, в том числе выборов, исключая из определения такую характеристику, как намерение сместить правящую партию, которой не соответствует даже оппозиция на Западе. Также исследователь выделил множество важных отличий деятельности оппозиции на субнациональном уровне политического процесса, которые до сих пор позволяют ей выигрывать выборы [28]. Однако вне поля его внимания остались специфичные для субнационального уровня политики препятствия для оппозиционной деятельности и ряд других значимых факто-

ров. Также специфику субнациональной оппозиции изучали Ю. А. Пустовойт, В. С. Лапин, Дж. М. Долбаум [29; 30; 31].

Важным для настоящего исследования было понимание мирового контекста, которое обеспечили работы по электоральному авторитаризму [32], авторитарным выборам [33] и демократическим анклавам в условиях авторитарного режима на национальном уровне [34; 35].

Вслед за Н. В. Гришиным в данном исследовании термин «оппозиция» не будет трактоваться слишком широко, и под ней будут пониматься все партии кроме правящей «Единой России» и самовыдвиженцы, которые выдвигаются в округах, где присутствуют кандидаты от «Единой России». Под победой оппозиции на выборах будем считать поражение кандидатов от власти альтернативным кандидатам, оставляя за рамками анализа победу на губернаторских выборах кандидатов от оппозиционных партий, которые не конкурировали с инкументами.

Эмпирическая база исследования включает электоральные показатели: четырёх губернаторских выборов, пяти выборов в региональные парламенты и семи выборов в собрания депутатов административных центров регионов, где победила оппозиция в период 2012–2021 гг.; выборов в Государственную Думу 2016 и 2021 гг. и данные о результатах политических партий за период 2012–2022 гг.

Методология исследования. В работе был проведён сравнительный анализ характеристик субнационального и федерального уровней политики; результатов выборов в представительные органы регионов и муниципалитетов, где победила оппозиция; результатов губернаторских выборов, в которых победила оппозиция, в административном центре и периферии региона; результатов совмещённых выборов в Государственную Думу и региональную легислатуру на территории Алтайского края в 2021 г.; числа успешных кампаний и уровня поддержки малых партий на региональных и федеральных выборах. Для построения прогноза вероятных сценариев будущего на основе результатов исследования был применён системно-динамический подход, позволяющий оценить влияние выявленных факторов на долгосрочную динамику электоральных процессов.

Специфика субнациональных выборов. Одной из главных особенностей выборов регионального и муниципального уровней являются отличные от федеральной избирательные системы. Доля мандатов, распределяемая по мажоритарной системе на выборах в представительные органы регионов, а особенно муниципальных образований, обычно больше и иногда достигает 100%. Мажоритарная система относительного большинства в один тур очень сильно помогает «партии власти», так как не позволяет консолидировать протестные голоса и обеспечивает сверхбольшинство мандатов даже при отсутствии абсолютного большинства голосов избирателей. Из-за этой особенности мэрские выборы во многих городах проводились по данной системе, хотя для выборов единоличных органов власти она нетипична. Там, где пропорциональная система в том или ином объёме присутствует, для распределения мандатов вместо применяемого на выборах в Государственную Думу метода Хэйра-Нимейера часто применяется искажающий пропорциональность в пользу лидера голосования метод Импералии или его модифицированный вариант (тюменский метод),

что также идёт на пользу правящей партии. Почти непреодолимой преградой для электорально опасных для власти кандидатов на пост губернатора является «муниципальный фильтр». Кроме того, в большинстве субъектов федерации запрещено самовыдвижение на губернаторских выборах, что особенно мешает контрэлитным группам, сохраняющим лояльность федеральной власти и по этой причине отказывающимся выдвигаться от оппозиционных партий. Таким образом, если судить по формальным электоральным нормам, оппозиции на региональных и муниципальных выборах намного труднее. Однако здесь необходимо упомянуть причины решения властей ужесточить для оппозиции условия именно на данных уровнях выборов. Особо показателен пример Камеруна, где по мере ослабления доминирующей партии доля парламентариев, избираемых по мажоритарной системе, постоянно увеличивается [36, с. 26]. Вероятно, в России ситуация схожая: субнациональная оппозиция здесь имеет больше шансов на успех, что и требует контрмер в виде имеющейся электоральной политики власти.

На отношение как населения, так и элит к выборам субнациональных органов власти сильно влияет малый объём у данных органов политических, административных и финансовых ресурсов. Главы регионов встроены в единую вертикаль исполнительной власти во главе с Президентом РФ и могут быть смещены с должности в связи с утратой доверия. В данную вертикаль включены и главы муниципалитетов, которые в свою очередь подчинены губернаторам. Помимо этого, параллельно существуют и отраслевые вертикали: назначения региональных министров согласуются с соответствующими федеральными министерствами. То есть губернатор даже при опоре на легислатуру не может полностью контролировать правительство региона. Территориальные подразделения органов федеральной власти вовсе не подчиняются региональным и муниципальным властям. Автономия регионов также подавляется субнациональными надрегиональными структурами в виде института полномочных представителей президента Российской Федерации в федеральном округе. Появление федеральных округов, скорее всего, было вдохновлено созданными бывшим мэром Москвы Ю. М. Лужковым префектурами административных округов — региональными органами государственной власти, ограничивающими автономию муниципалитетов. Похожие практики известны даже за пределами России. Создание центральной властью разного рода параллельных субнациональных органов для ограничения влияния победившей на субнациональных выборах оппозиции практикуется также в Турции, Венесуэле и Венгрии [35, с. 313–314].

Наиболее слабыми органами субнациональной власти являются региональные и муниципальные собрания депутатов из-за малочисленности своего состава (на порядок меньше, чем состав Государственной Думы) и работы большинства депутатов на общественных началах (в то время как все федеральные парламентарии являются высокооплачиваемыми профессионалами). Как отмечает А. В. Кынев*, «губернаторы стремятся иметь максимально несамостоятельные и малочисленные региональные парламенты, стремясь к тому, чтобы у депутатов не было времени на самостоятельную законотворческую и аналитическую деятельность» [37, с. 270]. Кроме этого, малочисленность представительных органов ослабляет и оппозицию, так как ей сложно в таких условиях создать полноценную фракцию, состоящую хотя бы из трёх депутатов [38, с. 348].

* Внесён в реестр иноагентов 20.02.2026.

Одним из следствий данной слабости субнациональных органов власти является низкая явка. Особенно высок уровень электорального абсентеизма в крупных городах [10, с. 103]. Зачастую власти сами искусственно занижают явку с целью усилить эффект от административной мобилизации. Однако когда оппозиция консолидируется, низкая явка играет на руку уже ей [39, с. 217]. Причём недостаток ресурсов и полномочий у местных властей как раз не позволяет им эффективно бороться с оппозицией [28, с. 12]. Уровень выборов, кроме степени интереса к ним, влияет также на предъявляемые к депутатам требования со стороны избирателей. Например, чем ниже уровень депутата, тем сильнее требования к тому, чтобы он постоянно проживал в своём избирательном округе [40, с. 176].

Несмотря на то, что большинство региональных и муниципальных выборов проходят в единый день голосования, они проходят не во всех субъектах федерации сразу. За счёт этого как власть, так и оппозиция могут концентрировать свои силы. Например, использовать для поддержки избирательной кампании политиков и политтехнологов федерального уровня. Здесь власть имеет преимущество, так как располагает такими инструментами, как: административный контроль; перераспределение бюджета в пользу регионов, где проходят выборы; имиджевая поддержка кандидатов со стороны должностных лиц (особенно здесь сильна поддержка кандидатов в губернаторы со стороны Президента РФ). Однако выборы губернатора Хабаровского края 2018 г., на которых инкубент проиграл, являются примером того, как федеральная помощь всё только усугубила. Тогда агитация депутатов Государственной Думы среди населения края произвела отрицательный эффект [2, с. 115]. В то же время победа на выборах главы Республики Хакасия кандидата от КПРФ В. О. Коновалова во многом была связана именно с агитационной, имиджевой и политтехнологической поддержкой федерального руководства партии [1, с. 22]. Позитивное влияние на ход избирательной кампании коммунистов на выборах губернатора Иркутской области 2015 г. оказал приезд в регион лидера КПРФ Г. А. Зюганова.

Крайне важным отличием субнациональных выборов от федеральных является цена поражения инкубента. Автократ после утраты власти становится перед угрозой возмездия со стороны своих оппонентов [32, р. 25]. А представителям субнациональной правящей элиты это не грозит. После поражения на выборах они только теряют должность и уходят в оппозицию, имея при этом поддержку федерального центра. Для федеральной власти победа субнациональной оппозиции ещё менее страшна. Иногда даже федеральный центр не позволяет отказать сильному кандидату в регистрации, несмотря на стремление это сделать со стороны региональных властей [41, р. 197]. Более того, официальная оппозиция является одним из средств контроля над местной властью со стороны центра [29, с. 62]. Однако победа оппозиции на субнациональном уровне всё же наносит ощутимый урон федеральной власти: нарушаются патронажные сети, подрывается образ стабильности и всеобщей поддержки, стимулируется недовольство внутри элиты, происходит усиление оппозиции [33, р. 9–10].

Специфика деятельности формальной оппозиции и контрэлитных группировок на субнациональном уровне. Крайне важной характеристикой многих региональных политических режимов является наличие внутриэлитных конфликтов. Математический анализ Е. В. Сироткиной и С. А. Карандашовой показал, что открытый конфликт главы региона с элитами снижает результат пер-

вого на выборах. Особенно значим конфликт с мэром административного центра региона: он приводит снижению электоральных результатов губернатора на целых 16 процентных пунктов [4, с. 77]. Данные конфликты зачастую связаны с ещё одной особенностью субнациональной политики: исполнительную власть в большинстве субъектов федерации возглавляют «варяги» — назначенцы, не имевшие до вступления в должность связи с регионом. А. В. Дахин отмечает, что «варяги» концентрируют вокруг себя власть, подавляя региональные группы влияния. Национальные регионы, в которых глава исполнительной власти является территориально и этнически «своим», напротив, характеризуются большей консолидацией элиты [42, с. 57–58]. Наиболее ярко конфликт региональной элиты и «варяга» можно было увидеть в Республике Хакасия в период избирательной кампании перед региональными выборами 2023 года. Тогда из «Единой России» вышли спикер хакасского парламента В. Н. Штыгашев и несколько глав муниципальных образований. Консолидация региональной элиты происходила вокруг действующего главы республики и коммуниста В. О. Коновалова и против «варяга» и выдвинутого «Единой Россией» кандидата на пост главы региона С. М. Сокола.

Хакасский кейс указывает ещё на одну особенность субнациональных политических процессов. Как верно отмечает Н. В. Гришин, объект оппонирования для субнациональной оппозиции — это не центральная власть, к помощи которой, наоборот, можно апеллировать, а местные власти [28, с. 13]. Наглядным примером является кандидат от КПРФ на выборах губернатора Приморского края 2018 г. А. С. Ищенко, который публично поддерживал политику В. В. Путина, что не мешало ему заявлять о необходимости объединения со всей оппозицией, в том числе с внесистемной. На выборах в Совет городского округа город Уфа 2012 г. главным конкурентом региональной власти была Российская партия народного управления во главе с бизнесменом А. Р. Мухамедьяровым, который открыто поддерживал В. В. Путина и даже пытался организовать митинги в его поддержку [6, с. 26–27]. В том же году избирательную кампанию В. В. Путина возглавлял лидер одной из карельских контрэлитных группировок Д. М. Алиханов [5, с. 126]. Возможность подобных политических манёвров сильно повышает электоральные возможности субнациональной оппозиции по сравнению с федеральной.

При этом политическое маневрирование субнациональной оппозиции не ограничено только этим. Региональные отделения политических партий зачастую отклоняются от «генеральной линии», принятой федеральным руководством, и проводят собственную политику. Так, например, было с протестным движением «За честные выборы», когда некоторые региональные отделения оппозиционных партий поддержали данное движение, в то время как центральное руководство дистанцировалось от него, и, наоборот, дистанцировались, в то время как центральное руководство поддержало протесты [7]. Примечательно, что кооптация в региональных парламентах путём предоставления руководящих должностей не оказала никакого эффекта на протестную активность КПРФ, но действовала в отношении ЛДПР и «Справедливой России» [31, р. 117–118].

На субнациональном уровне отличается и взаимодействие групп оппозиции между собой. Системная и внесистемная оппозиция здесь иногда объединяется вокруг проблем региона или муниципалитета [30, с. 126], в то время как по ключевым вопросам внутренней и тем более внешней политики государства позиции данных политических сил кардинально расходятся.

В российских регионах существуют свои собственные партийные системы, которые могут сильно отличаться от партийной системы в Государственной Думе. Партии занимают разные порядковые номера, иногда парламентские партии не проходят в региональные легислатуры и муниципальные собрания депутатов, иногда, напротив, в представительные органы проходят непарламентские партии. Были и случаи вытеснения парламентских партий непарламентскими из региональных легислатур [9, с. 268]. В период 2012–2021 гг. были избраны двух-, трёх-, четырёх-, пяти- и шестипартийные региональные парламенты [9, с. 267–268; 43, с. 88]. Отсюда вытекает ещё одна специфичная черта субнациональной политики — изменение роли малых партий. Они уже не спойлеры парламентской оппозиции, а реальная политическая сила. Многие партии, которые не смогли пройти заградительный барьер на выборах в Государственную Думу, смогли пройти его на выборах в региональные легислатуры (см. табл. 1). При этом доли голосов, поданные за данные партии на федеральном уровне и на региональном уровне, примерно одинаковые. То есть успехи малых партий во многом связаны со спецификой определённых регионов и концентрацией ресурсов в наиболее перспективных кампаниях. Существенное влияние могли оказать и внутрирегиональные различия: электорат РОДП «Яблоко» и «Партии Роста» был в основном сосредоточен в крупных городах [8].

Таблица 1

Результаты малых партий на выборах в Государственную думу и региональные парламенты за период 2012–2022 гг.

Период/год	Число малых партий, получивших мандаты	Число малых партий, прошедших по спискам	Доля голосов за малые партии среди голосов за все партии,	Доля голосов за малые партии среди голосов за все партии кроме ЕР
Региональные парламенты				
2012–2015	11	7	8,56%	26,69%
2016–2019	11	10	7,95%	17,28%
2020–2022	10	8	13,21%	26,60%
Государственная Дума				
2016	2	0	11,44%	25,56%
2021	3	0	9,03%	18,39%

Источник: Рассчитано автором на основе данных из источников: [44]; ЦИК РФ.

Зачастую особенные успехи непарламентских партий объясняются внутри-элитными конфликтами. Например, от «Гражданской Платформы» и «Патриотов России» в 2013 г. выдвигались многие представители контрэлиты: бывшие руководители региональных отделений «Единой России», бывшие члены региональных правительств и бывшие спикеры региональных легислатур [45, с. 220]. Победа партии «Родина» на выборах в Тамбовскую городскую думу 2020 года, где ей удалось получить абсолютное большинство мандатов, во многом объясняется тем, что лидером регионального отделения партии был бывший мэр Тамбова М. Ю. Косенков.

Ещё одна важная характеристика субнациональной оппозиции заключается в том, что вход в политику здесь более доступный, из-за чего партийные организации заполняют не только профессиональные политики, но и гражданские активисты, менее склонные к коррупции и кулуарным сделкам с властями [28, с. 13].

Одним из наиболее показательных примеров для анализа различий федерального и регионального уровней электорального процесса являются выборы в Алтайское краевое Законодательное Собрание 2021 г., на которых победила оппозиция и которые были совмещены с выборами в Государственную Думу (см. табл. 2). Никаких существенных различий в голосовании на выборах регионального и федерального уровня у почти одних и тех же избирателей в один день голосования мы не видим. То есть в данном случае такие особенности региональной политики, как раскол региональной элиты и более свободная критика власти со стороны оппозиции либо не имели место быть в данном регионе, либо не проявляются во время федеральной кампании, либо оказывают влияние и на выборы федерального уровня.

Таблица 2

Совмещённые выборы в Алтайское краевое Законодательное Собрание и в Государственную Думу на территории Алтайского края (19 сентября 2021 г.).

Показатель	Алтайский край	Государственная Дума
Результат ЕР	243 686 (34,33%)	248 971 (33,67%)
Результат оппозиции	441 574 (62,22%)	471 513 (63,76%)
Недействительные голоса	24 485 (3,45%)	18 976 (2,57%)

Источник: ЦИК РФ.

Фактор территориальной гетерогенности. Весомый вклад в специфичность субнациональной политики вносит сильная электоральная неоднородность России. Субъекты федерации сильно различаются по своим характеристикам, влияющим на политическое поведение элит, оппозиции и избирателей. Пусть электоральная неоднородность присутствует и на федеральных выборах, но её влияние на данном уровне на порядок слабее, особенно на президентских выборах и выборах в Государственную Думу по списочной части.

Каждый российский регион имеет свой уникальный политический режим со своим уровнем электоральной конкуренции, уровнем консолидации элиты, состоянием гражданских свобод, степенью автономии законодательной и муниципальной власти от главы региона, стилем управления и зависимости от федерального центра [11; 12]. А локальные политические режимы за счёт разнообразия моделей местного самоуправления, различной степени зависимости муниципалитетов и больших возможностей для прямой демократии могут различаться ещё сильнее [22, с. 85–86]. Влияние электоральной гетерогенности на субнациональные выборы также усиливается большей распространённостью там мажоритарной системы относительного большинства, которая даёт преимущества тем партиям, которые сконцентрировали свою поддержку в определённых районах [46].

Положительно с голосованием за власть коррелируют доля сельского населения в регионе, доля нерусского населения, особенно в тюркских и северокавказских республиках [13], религиозность населения [14, с. 99] и размер пенсий [15, с. 57]. Отрицательно с голосованием за власть коррелируют количество экономических субъектов [47, с. 15], наличие у региона опыта государственности и самостоятельного политико-административного статуса до 1917 г. [16], уровень доходов, уровень преступности и доля пенсионеров [17, с. 177–178].

Более высокий уровень протестных настроений на Дальнем Востоке связан с удалённостью от Москвы и слабостью инфраструктуры [18, с. 174].

Сильны и внутрирегиональные различия. В административных центрах, как правило, более низкая явка и меньшая поддержка власти, что связано не только с размерами и экономическим положением региональных центров, но и в большей степени с их столичным статусом с вытекающим из этого развитием образовательной и культурной сфер [19; 20]. Рассмотрим различия в результатах проигравших инкумбентов на губернаторских выборах 2015–2018 гг. в административных центрах регионов и региональных перифериях (см. табл. 3). Во всех случаях результат инкумбента больше в периферии. Однако только на выборах в Иркутской области (2015 г.) данное различие составило 24,53 процентных пункта и стало решающим — инкумбент смог получить абсолютное большинство в периферии области, но именно протестное голосование в городе Иркутске перевесило все общие голоса поддержки. В остальных трёх регионах разница между центром и периферией в голосовании за инкумбента была намного меньше и не повлияла на исход выборов. И доля числа проголосовавших в центре среди общего числа проголосовавших в данных регионах была выше, особенно в Хабаровском крае (2018 г.).

Таблица 3

Различия электоральных показателей между регионом в целом, его центром и периферией на губернаторских выборах, на которых победила оппозиция в 2015–2018 гг.

Регион	Год выборов	Общий результат инкумбента	Результат инкумбента в центре	Результат инкумбента в периферии	Разница	Доля центра*
Иркутская область	2015	49,6%	30,18%	54,71%	24,53 п. п.	20,85%
Владимирская область	2018	36,42%	28,01%	38,9%	10,89 п. п.	22,77%
Республика Хакасия	2018	32,42%	25,07%	35,53%	10,45 п. п.	29,67%
Хабаровский край	2018	35,62%	34,26%	36,68%	2,6 п. п.	47,56%

Примечание: * — отношение числа проголосовавших в центре к общему числу проголосовавших в регионе.

Источник: Рассчитано автором на основе данных из источника: ЦИК РФ.

Межрегиональная и внутрирегиональная неоднородности создают сверхблагоприятные для оппозиции территории, что повышает вероятность её победы где-либо. Однако сверхнеблагоприятные для оппозиции регионы и муниципалитеты, напротив, затрудняют расширение электоральных успехов оппозиции, без чего невозможно получить большинство голосов на федеральном уровне. Математические расчёты показывают, что у оппозиционных партий географическая однородность электоральной поддержки ниже, чем у «Единой России» [21]. Это значит, что успехи каждой оппозиционной партии ограничены в своих собственных зонах оптимума, что создаёт дополнительные риски для проадминистративных кандидатов из-за меньшего распыления голосов протестного электората, но, опять же, не даёт оппозиции расширить свои электоральные

победы. Ещё одно преимущество, которое оппозиции даёт межтерриториальная неоднородность, заключается в том, что местные оппозиционные политики больше осведомлены о реалиях на местах, чем федеральная власть. Победа оппозиции на выборах 2018–2021 гг. могла произойти как раз из-за того, что центр действовал по инерции и не учитывал особенности регионов [48, с. 24].

Дополнительным подтверждением влияния межтерриториальной неоднородности на субнациональные победы оппозиции может служить пример Северной Мексики времён авторитарного правления Институционно-революционной партии. Данная территория очень схожа с Восточной Сибирью: далека от центра, имеет экономические связи с соседями, государство считает её менее важным регионом, чем центр страны, и именно здесь на субнациональных выборах победила системная оппозиция (Партия национального действия в случае Мексики) [49, р. 11].

Специфика муниципального уровня политики. Отдельно необходимо отметить особенности политических процессов муниципального уровня, который отличается не только от федерального, но и от регионального уровня. Муниципальные выборы выделяются большей долей самовыдвиженцев, которые к тому же не являются фактическими выдвиженцами «Единой России» [23, с. 27]. Это объясняется большей открытостью муниципальной политики для гражданского участия [22, с. 85–89], низким числом кандидатов на избирательный округ, что всегда сопровождается большей долей голосов за самовыдвиженцев [50, с. 161], и распространением в некоторых муниципалитетах системы единого непередаваемого голоса, которая облегчает представительство для меньшинства, но, в отличие от пропорциональной системы, получить мандат здесь может и непартийный кандидат. Также на данном уровне особо сильное влияние на электоральные процессы оказывают межличностные связи, которые позволяют оппозиции закреплять за собой устойчивые анклавные электоральной поддержки [24, с. 5]. Прямой контакт кандидата с избирателями во время предвыборной кампании также даёт преимущество оппозиции, так как разрушается монополия власти на политическую информацию. Формальный статус местного самоуправления как отдельного от государственной власти института потенциально может стать фактором демократизации муниципального уровня политики. Так, именно юридический статус деревень как массовых организаций, а не государственных органов, повлиял на становление в Китае прямых конкурентных выборов сельсоветов [34, р. 401].

Во то же время есть особенности, мешающие оппозиции. Во-первых, на муниципальных выборах из-за малой информационной поддержки проще не допустить несогласованного кандидата [25]. Во-вторых, на муниципальном уровне внутриэлитная борьба обычно не имеет место быть из-за недостатка полномочий у муниципальных органов власти [26, с. 254]. В-третьих, на муниципальных выборах обычно довольно низкий уровень конкуренции, часто они вовсе безальтернативны [27]. В-четвёртых, мэры большинства городов избираются конкурсной комиссией, что не оставляет пространства ни для политической конкуренции, ни для проявления местной автономии [51].

Ещё большее понимание различий муниципального и регионального уровней выборов может дать сравнение случаев побед оппозиции в собраниях депутатов административных центров субъектов федерации и в региональные legislatures (см. табл. 4). В качестве переменных для сравнения взяты чис-

ло избранных самовыдвиженцев, представителей парламентской оппозиции (здесь будем понимать под ней те партии, которые преодолели заградительный барьер на выборах в Государственную Думу, за исключением «Единой России») и малых партий (тех, которые не прошли в Государственную Думу по спискам). Мандаты «Новых Людей» в их короткий период существования внепарламентской партией вошли в счёт парламентской оппозиции, так как одна из задач анализа – оценить успехи аутсайдеров федеральных выборов на субнациональных выборах. Период анализа: после партийной реформы 2012 года.

Таблица 4

Выигранные мандаты парламентской оппозицией, малыми партиями и самовыдвиженцами в парламентах регионов и административных центрах регионов, в которых победила оппозиция в 2013–2021 гг.

Регион/город	Год выборов	Победившие одномандатники (в округах без кандидата от ЕР)			Число округов	Кандидаты, избранные по спискам		Всего в списочной части
		Самовыдвиженцы	От малых партий	От парламентской оппозиции		От малых партий	От парламентской оппозиции	
Административные центры								
Красноярск	2013	0	11	3	18	6	3	18
Архангельск	2018	2	0	7	15	0	10	15
Великий Новгород	2018	0	0	11	15	1	10	15
Хабаровск	2019	0	0	35	35	0	0	0
Тамбов	2020	0	17	0	18	9	4	18
Новосибирск	2020	13 (6)	2	12 (2)	50	0	0	0
Томск	2020	7	2	10	27	2	5	10
Регионы								
Иркутская область	2018	0	3	10	22	0	15	23
Забайкальский край	2018	0	1	11	25	1	16	25
Хакасия	2018	2	2	11	25	2	16	25
Хабаровский край	2019	1	0	23 (1)	24	0	10	12
Алтайский край	2021	0	0	15	34	4	17	33

Источник: ЦИК РФ.

Все случаи побед оппозиции в региональные ассамблеи сильно похожи друг на друга. Большая часть мандатов достаётся парламентской оппозиции. Малые партии в большинстве случаев проходят по спискам и имеют победы в округах. Самовыдвиженцы проходят только в двух случаях из пяти. Важно упомянуть специфику выборов в Хабаровской области (2019 г.): абсолютное число мандатов здесь отошло ЛДПР.

Случаи побед оппозиции в административных центрах регионов, наоборот, крайне не похожи друг на друга. Выборы в Красноярске (2013 г.) и Тамбове

(2020 г.) выделяются очень высокими результатами малых партий: в первом случае очень успешно выступили «Патриоты России», во втором — «Родина». В Новосибирске (2020 г.) и Томске (2020 г.) победило очень много самовыдвиженцев, что во многом связано с их принадлежностью к внесистемной оппозиции как организованной силе. При этом в большинстве административных центров ни один самовыдвиженец всё же не смог получить мандат, как и в рассматриваемых региональных случаях. В Хабаровске (2019 г.) все кроме одного мандата выиграли кандидаты от ЛДПР, один — от «Справедливой России». В Архангельске (2018 г.) и Великом Новгороде (2018 г.) результаты выборов уже больше похожи на региональные кейсы. Только в Хабаровске и Новосибирске избирательная система была полностью мажоритарной, что дополнительно повлияло на особенности данных кампаний: почти однопартийная городская дума в первом случае и победа большого числа самовыдвиженцев во втором. В остальных муниципальных кейсах и во всех региональных избирательная система была смешанной. Только в Новосибирске часть победителей избиралась в округах без кандидата от «Единой России»: шесть самовыдвиженцев, один представитель КПРФ и один представитель ЛДПР.

Заключение. По формальным электоральным нормам может сложиться картина, что на субнациональном уровне больше преимуществ на выборах для доминирующей партии и выше политические барьеры для оппозиции. Однако фактически на федеральном уровне вход в политику намного более закрытый. Субнациональная политика характеризуется большим числом гражданских активистов и независимых самовыдвиженцев, более сильными позициями непарламентских партий. Также инкументам на федеральном уровне не приходится сталкиваться с сопротивлением контрэлитных группировок со своими политическими, финансовыми и медийными ресурсами. Низкая явка, свойственная региональным, а тем более муниципальным выборам, обычно помогает проадминистративным кандидатам, однако консолидировавшись и организовавшись, оппозиция может обернуть её себе на пользу. Асинхронность избирательных кампаний скорее помогает власти, так как федеральный центр может концентрировать и перенаправлять не только политические и политтехнологические ресурсы, но и бюджетные. Возможность субнациональной оппозиции апеллировать к федеральному центру и играть на межэлитных противоречиях даёт ей большое преимущество по сравнению с федеральной оппозицией. Особо значимым фактором побед субнациональной оппозиции является политическая неоднородность России, которая позволяет ей одерживать территориально ограниченные победы в своих зонах оптимума. Специфика муниципального уровня политики создаёт свои проблемы для оппозиционной деятельности, но всё же скорее благоприятствует ей.

Взвесив влияние всех факторов, можно констатировать, что специфика субнационального уровня политики скорее помогает оппозиции, чем препятствует. Она же и сдерживает оппозицию, сильно затрудняя её победу на федеральном уровне. Однако любое электоральное поражение власти может поспособствовать дезертирству элит и воодушевлению протестного электората, что по принципу петли положительной обратной связи обеспечит следующие успехи оппозиции. Здесь главной переменной является сила отрицательной обратной связи, главным образом, в виде реакции федерального центра. Если федеральное руководство будет своевременно устранять все последствия прихода оппозиции

к власти в регионах и муниципалитетах, то политической стабильности эти победы навредить не смогут. Но если в силу различных причин эти процессы будут оставлены без контроля, то можно допустить пусть и довольно низкую, но определённую вероятность «опрокидывающих» выборов на федеральном уровне и других политических проблем для правящей элиты.

Несмотря на огромные трудности, у оппозиции имеется определённый потенциал переноса опыта своих субнациональных успехов на федеральный уровень. Во-первых, оппозиция может играть на противоречиях внутри федеральной элиты. Пусть конфликты федеральных элитных групп более редкое событие, чем борьба элит на субнациональном уровне, и они не переходят в электоральную плоскость, тем не менее, они имеют место быть. Во-вторых, недовольство населения против местной власти вполне можно конвертировать в голоса против федеральной власти. Как показывает опыт совмещённых выборов, особенно в Алтайском крае 2021 г., избиратели не всегда разделяют местную и федеральную власть, поэтому голосуют против власти вообще, особенно если она представлена правящей партией, а не президентом или губернатором. Однако данная тактика может свести на нет обратные попытки субнациональной оппозиции апеллировать к центру с целью борьбы против местной власти. В-третьих, данный манёвр субнациональной оппозиции можно адаптировать к федеральной политике в виде позиции «За Путина, против „Единой России“», которая на данный момент открыто разделяется только СРЗП. Но этот вариант рискованный: потеря значительной доли протестного электората может перекрыть все выгоды, которые можно отсюда извлечь. Тем более Кремль заинтересован в сохранении альтернативности выборов президента. В-четвёртых, успехи непарламентских партий показывают, что концентрация ресурсов позволяет добиваться больших результатов при неизменной поддержке избирателей. В-пятых, партии парламентской оппозиции могут существенно прирастить свою поддержку в административных центрах регионов — именно в них сосредотачивается протестный электорат, но весомая его часть голосует за малые партии и самовыдвиженцев. Консолидация протестных голосов здесь увеличит шансы оппозиции на успех.

В свою очередь, и федеральная власть может сделать шаги для недопущения следующих побед субнациональной оппозиции. Во-первых, не позволять резонировать недовольству населения, оппозиции и контрэлитных групп. Один из способов это сделать — использовать в сложных регионах уже отработанную практику назначения губернаторами представителей оппозиционных партий. Это позволит не допускать нежелательных прецедентов поражения кандидатов от власти на выборах, дезориентировать протестный электорат и лишить контрэлитные группы возможности вести борьбу с правящей элитой в электоральном поле. Во-вторых, прекратить практику публичной поддержки губернаторами непопулярных решений центра. Как показал опыт пенсионной реформы 2018 г., данная практика только опускает рейтинги региональной власти, но не делает решение менее непопулярным среди населения.

Библиографический список

1. Белоконов С. Ю., Игнатовский Я. Р., Печенкин Н. М. Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов в Республике Хакасия в 2018 // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 4. С. 19–24. DOI [10.26794/2226-7867-2019-9-4-19-24](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-19-24). EDN YZWWNZ.

2. *Говорухин Г. Э., Дудченко О. В.* Выборы 2018 года в России как кризис власти. На примере Хабаровского края // Свободная мысль. 2019. № 3. С. 107–116. EDN [CQDQYB](#).
3. *Туровский Р. Ф.* Субнациональная политика: введение к возможной теории // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2014. № 4. С. 86–99. EDN [VBUZGL](#).
4. *Сироткина Е. В., Карандашова С. А.* Лояльность элит и выборы глав регионов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 76–91. DOI [10.17976/jpps/2017.06.06](#). EDN [ZVMOLB](#).
5. *Стремоухов Д. А.* Политические конфликты между губернаторами и региональными экономическими элитами (случай Республики Карелия) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2022. № 2. С. 118–135. DOI [10.30570/2078-5089-2022-105-2-118-135](#). EDN [JMIZER](#).
6. *Шкель С. Н.* Агитация без конкуренции: особенности политической состязательности в условиях субнационального авторитаризма // PolitBook. 2015. № 4. С. 18–35. EDN [TLZRFC](#).
7. *Завадская М. А., Лобанова О. Ю., Семенов А. В.* Когда партии протестуют? Сравнительный анализ партийного участия в движении «За честные выборы» в регионах // Политическая наука. 2017. № 4. С. 85–110. EDN [ZXXTYZ](#).
8. *Шпагин С. А.* Непарламентские партии в современной России: у порога Государственной Думы? // Электоральная политика. 2021. № 1(5). С. 1. EDN [ZBYIIR](#).
9. *Шпагин С. А.* Электоральный цикл 2012–2016 гг. и партийные системы в российских регионах // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 263–273. DOI [10.17223/1998863X/54/24](#). EDN [MQLNYC](#).
10. *Суханова М. И., Шестакова Ю. Г.* Анализ феномена электорального абсентеизма на примере выборов в органы местного самоуправления Удмуртии // Политическая наука. 2019. № 1. С. 90–108. DOI [10.31249/poln/2019.01.05](#). EDN [NGKLEO](#).
11. *Туровский Р. Ф.* Региональные политические режимы в современной России: сравнительный анализ // Вестник РГНФ. 2013. № 1. С. 73–82. EDN [UDLAYV](#).
12. *Гайворонский Ю. О.* Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2015. № 2. С. 21–37. DOI [10.30570/2078-5089-2015-77-2-21-37](#). EDN [XRAJIN](#).
13. *Шкель С., Щербак А., Качева Т.* Анатомия лояльности: механизмы формирования электорального сверхбольшинства в этнических республиках современной России // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 1. С. 38–70. DOI [10.17323/1728-192x-2022-1-38-70](#). EDN [YEGZVO](#).
14. *Щербак А. Н., Ухватова М. В.* От «красного пояса» — к «библейскому»: исторические предпосылки сдвигов в политической географии России // Общественные науки и современность. 2018. № 6. С. 98–113. DOI [10.31857/S086904990000379-8](#). EDN [VPYZQX](#).
15. *Туровский Р. Ф., Гайворонский Ю. О.* Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 3. С. 42–61. EDN [XTXFWX](#).
16. *Кирьянов И. К., Панов П. В.* Историческая специфика регионов России: инструментарий для анализа гетерогенности политического пространства // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, № 4. С. 53–63. DOI [10.17072/2218-1067-2022-4-53-63](#). EDN [EIOZIC](#).
17. *Щербак А. Н., Сенников Е. В., Лисовский Т. А.* Экономическое голосование на выборах 2011–2012 годов // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 4. С. 168–183. EDN [RVKXPX](#).
18. *Печенкин Н. М., Неткачев К. И.* Протестные общественно-политические настроения жителей Дальнего Востока в 2020 году (на примере Хабаровска, Владивостока, Благовещенска) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 4. С. 169–175. DOI [10.26794/2226-7867-2021-11-4-169-175](#). EDN [HFBJDK](#).
19. *Панов П. В.* Специфика столичных городов в электоральном ландшафте регионов России: вариативность с точки зрения диспозиции «центр — периферия» // Политическая наука. 2024. № 1. С. 76–97. DOI [10.31249/poln/2024.01.03](#). EDN [MKAMYH](#).

20. Любарев А. Е. Внутрорегиональные различия электоральных показателей на российских выборах 1995–2018 гг. // Электоральная политика. 2019. № 1. С. 3. EDN [TFKUWM](#).
21. Любарев А. Е. Оценка территориальной однородности итогов голосования в Российской Федерации и российских регионах // Электоральная политика. 2021. № 2. С. 1. EDN [HTGSWT](#).
22. Туровский Р. Ф. Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2015. № 1. С. 82–98. EDN [VHWOAF](#).
23. Великая Н. М. Партии парламентской оппозиции на выборах в представительные органы местного самоуправления в 2024 году // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 21–35. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.2](#). EDN [NQZPG](#).
24. Корнеева Е. М. Локальный уровень голосования в России: пространственно-эконометрический подход // Политическая наука. 2021. № 3. С. 229–250. DOI [10.31249/poln/2021.03.10](#). EDN [TJNQFA](#).
25. Специфика местного самоуправления и муниципальных выборов / О. В. Балабанова, К. В. Киселев, В. С. Ковин [и др.] // Электоральная политика. 2022. № 1. С. 5. EDN [PBWGRP](#).
26. Саматарева К. А. Методология исследования городского политического режима // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2017. № 4. С. 252–256. EDN [YMQGPS](#).
27. Любарев А. Е. Российские муниципальные выборы через призму электоральной статистики // Электоральная политика. 2022. № 2. С. 1. EDN [YVONFX](#).
28. Гришин Н. В. Региональная оппозиция в России: чужеродный элемент в системе гибридного политического режима // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10, № 4. С. 5–26. EDN [VEIDPX](#).
29. Пустовойт Ю. А. «Контрэлита»: местная власть и ее оппоненты в сибирском мегаполисе // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 1. С. 48–70. DOI [10.31119/pe.2019.6.1.4](#). EDN [YWQOBS](#).
30. Ланин В. С. Соревновательный авторитарный режим: тактика оппозиционных акторов // Сравнительная политика. 2017. Т. 8, № 3. С. 120–130. DOI [10.18611/2221-3279-2017-8-3-120-130](#). EDN [ZHOLRZ](#).
31. Dollbaum J. M. Curbing protest through elite co-optation? Regional protest mobilization by the Russian systemic opposition during the 'for fair elections' protests 2011–2012 // Journal of Eurasian Studies. 2017. Vol. 8, No. 2. P. 109–122. DOI [10.1016/j.euras.2017.01.002](#). EDN [YDRVHO](#).
32. Schedler A. The politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism. Oxford : Oxford University Press, 2013. 493 p. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199680320.003.0002](#).
33. Isiksel T, Pepinsky T. B. Voting in authoritarian elections // American Political Science Review. 2026. Vol. 120, No. 1. P. 21–36. DOI [10.1017/S0003055425000085](#).
34. Gilley B. Democratic enclaves in authoritarian regimes // Twenty years of studying democratization / Ed. by A. Croissant, J. Haynes. London : Routledge, 2016. P. 99–125.
35. Begadze M. Playbook of subnational illiberalism: Autocrats face the opposition-led local governments // Hague Journal on the Rule of Law. 2022. Vol. 14, No. 2-3. P. 309–330. DOI [10.1007/s40803-022-00184-8](#). EDN [JJNGSS](#).
36. Усова В. А. Смешанная несвязанная избирательная система и электоральный авторитаризм // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15, № 1. С. 19–34. DOI [10.17072/2218-1067-2021-1-19-34](#). EDN [OCZRKA](#).
37. Кынев А. В. Качество региональных политических институтов: Попытка изменения // Политическая наука. 2017. № 4. С. 259–283. EDN [ZXXUCB](#).
38. Мархинин В. В. мл. Среда политической конкуренции: состояние и перспективы партийной системы в современной России (региональные аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2, № 3. С. 345–355. EDN [UZCVYC](#).
39. Корнеева Е. М. Воспроизводство электоральных паттернов голосования на субнациональных выборах // Политическая наука. 2019. № 2. С. 198–218. DOI [10.31249/poln/2019.02.10](#). EDN [MXRDKI](#).
40. Мухаметов Р. С. Электоральные предпочтения избирателей: эффект «друзей и соседей» имеет значение в России? // Политическая наука. 2022. № 4. С. 165–184. DOI [10.31249/poln/2022.04.08](#). EDN [CKOZQB](#).

41. *Smyth R., Turovsky R.* Legitimising victories: Electoral authoritarian control in Russia's gubernatorial elections // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70, No. 2. P. 182–201. DOI [10.1080/09668136.2018.1436697](https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1436697). EDN [JURTOU](#).
42. *Дахин А. В.* Система власти в России в 2000-х годах и модели политического управления регионами // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 2. С. 52–59. EDN [KYGVDF](#).
43. *Жуков В. Н.* Региональные выборы 2017–2021 гг.: преодоление кризиса партийной системы // *Регион: системы, экономика, управление*. 2021. № 4. С. 87–91. DOI [10.22394/1997-4469-2021-55-4-87-91](https://doi.org/10.22394/1997-4469-2021-55-4-87-91). EDN [XNJLXW](#).
44. *Кынев А. В., Любарев А. Е.* Партии и выборы в России 2008–2022: история заката. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 488 с.
45. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии / А. Е. Любарев, А. Е. Максимов [и др.]. М. : Фонд «Либеральная Миссия», 2014. 312 с. EDN [VRXZBC](#).
46. *Окунев И. Ю.* Географический фаворитизм партий и избирательных систем // *Политическая наука*. 2022. № 4. С. 90–106. DOI [10.31249/poln/2022.04.04](https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.04). EDN [VOFTAЕ](#).
47. *Пустовойт Ю. А.* Городские политические режимы: Типология, причины формирования и возможности акторов // *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. 2017. № 3. С. 9–16. DOI [10.18101/2304-4446-2017-3-9-16](https://doi.org/10.18101/2304-4446-2017-3-9-16). EDN [ZRBPRТ](#).
48. *Горохов А. В.* Особенности региональных результатов оппозиционных партий в России в рамках выборов 2018–2022 гг. // *Псковский регионологический журнал*. 2023. Т. 19, № 2. С. 14–28. DOI [10.37490/S221979310025441-8](https://doi.org/10.37490/S221979310025441-8). EDN [UIYROC](#).
49. *Ishiyama J., Rybalko M.* A rumbling from below? Opposition party rebranding, regional elections, and transforming the regime in Russia // *Issues of Political Marketing* / Ed. by M. Gregor [et al.]. London : Routledge, 2024. P. 58–73.
50. *Ткачева Т. Ю., Турченко М. С.* Факторы успеха кандидатов-самовыдвиженцев на выборах в представительные органы столиц регионов России (2014–2018) // *Политическая наука*. 2019. № 1. С. 147–164. DOI [10.31249/poln/2019.01.08](https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.08). EDN [ZCJNJZ](#).
51. *Гилев А. В., Шевцова И. К.* Бесконфликтная арена? Эффекты введения процедуры конкурсного отбора глав местной власти в крупных городах России // *Политическая наука*. 2021. № 2. С. 260–281. DOI [10.31249/poln/2021.02.10](https://doi.org/10.31249/poln/2021.02.10). EDN [MUBFFM](#).

Поступила: 28.03.2025. Доработана: 30.09.2025. Принята: 14.10.2025.

Сведения об авторе:

Шаталов Олег Иванович, аспирант департамента философии и социальных наук
Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет.

Москва, Россия. shatalovoi564@mgpu.ru

Author ID РИНЦ: [1283734](#); ORCID: [0009-0001-5586-4944](#)

O. I. Shatalov¹

¹MCU, Moscow, Russia

THE SPECIFICS OF THE SUBNATIONAL LEVEL OF POLITICS AS A FACTOR IN THE ELECTORAL VICTORIES OF THE OPPOSITION

Abstract. This article analyzes the features of regional and municipal levels of Russian politics that both hinder and facilitate opposition victories in subnational elections. Among the challenges faced by the opposition are the majoritarian electoral system and the Imperiali seat-allocation method, along with its modifications, which provide electoral advantages to the ruling party; the municipal filter and the prohibition of self-nomination in gubernatorial elections; low voter turnout given the disorganization of the opposition; and the federal authorities' ability to concentrate budgetary and other resources on ongoing electoral campaigns. Conversely, certain features of subnational politics

support the opposition, such as inter-elite competition, the ability to appeal to the federal center in conflicts with regional and municipal authorities, the potential to gain electoral advantages during low turnout in cases of opposition consolidation, the weakness of subnational governing bodies due to the centralist nature of public administration in Russia, fewer actual barriers to entry into politics, and the presence of particularly protest-prone regions. The positive aspects of subnational politics for the opposition outweigh the negative ones, which is one of the main reasons for its victories in many municipal and regional elections. This, in turn, makes it difficult for the opposition to transfer this experience to the federal level. The author concludes that under normal functioning of the political system in Russia, electoral victories of subnational opposition do not pose a threat to it; however, in the event of a potential weakening of the system, the successes of the opposition, due to the inspiration of the protest electorate and elite desertion, could expand both horizontally and vertically.

Keywords: opposition, subnational opposition, protest voting, regional political process, municipal elections, electoral system, political regime

For citation: Shatalov O. I. The specifics of the subnational level of politics as a factor in the electoral victories of the opposition. *Science. Culture. Society*. 2026;32(1):80–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.6>

References

1. Belokonev S. Yu., Ignatowski Ya. R., Pechenkin N. M. Dynamics of socio-political moods and an analysis of the election results in the Republic of Khakassia in 2018. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(4):19–24. (In Russ.). DOI [10.26794/2226-7867-2019-9-4-19-24](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-19-24).
2. Govorukhin G. E., Dudchenko O. V. Elections of 2018 in Russia as crisis of authority. On an example of Khabarovsk Region. *Svobodnaya My'sl*. 2019;(3):107–116. (In Russ.).
3. Turovsky R. F. Subnational policy: introduction to potential theory. *Politeia*. 2014;(4):86–99. (In Russ.).
4. Sirotkina E. V., Karandashova S. A. Loyalty of elites and gubernatorial elections: the role of pre-electoral conflicts in the voting outcome. *Polis. Political Studies*. 2017;(6):76–91. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2017.06.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06).
5. Stremoukhov D. A. Political conflicts between governors and regional economic elites (case of the Republic of Karelia). *Politeia*. 2022;(2):118–135. (In Russ.). DOI [10.30570/2078-5089-2022-105-2-118-135](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-105-2-118-135).
6. Shkel` S. Agitation without competition: particularly political contest in subnational authoritarianism. *Politbook*. 2015;(4):18–35. (In Russ.).
7. Zavadskaya M., Lobanova O., Semenov A. When do political parties join protests? A comparative analysis of party involvement in “for fair elections” movement. *Political science (RU)*. 2017;(4):85–110. (In Russ.).
8. Shpagin S. A. Non-parliamentary parties in contemporary Russia: on State Duma’s doorstep. *Electoral Politics*. 2021;(1):1. (In Russ.).
9. Shpagin S. A. The electoral cycle 2012–2016 and party systems in Russian regions. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2020;(54):263–273. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/54/24](https://doi.org/10.17223/1998863X/54/24).
10. Sukhanova M. I., Shestakova Yu. G. Analysis of the electoral absenteeism on the example of local elections in Udmurtia. *Political science (RU)*. 2019;(1):90–108. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2019.01.05](https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.05).
11. Turovsky R. F. Regional political regimes in modern Russia: a comparative study. *Bulletin of the Russian foundation for humanities*. 2013;(1):73–82. (In Russ.).
12. Gaivoronsky Yu. O. Regional political regimes in Russia: conceptual innovations and measurement possibilities. *Politeia*. 2015;(2):21–37. (In Russ.). DOI [10.30570/2078-5089-2015-77-2-21-37](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-77-2-21-37).
13. Shkel S., Scherbak A., Tkacheva T. The anatomy of loyalty: mechanisms for the formation of an electoral super-majority in the ethnic republics of contemporary Russia. *The Russian Sociological Review*. 2022;21(1):38–70. (In Russ.). DOI [10.17323/1728-192x-2022-1-38-70](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-38-70).
14. Shcherbak A., Ukhvatova M. From “the Red Belt” to “the Bible Belt”: historical roots of the shift in Russian political geography. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2018;(6):98–113. (In Russ.). DOI [10.31857/S086904990000379-8](https://doi.org/10.31857/S086904990000379-8).
15. Turovsky R. F., Gaivoronskii Yu. O. The influence of the economy on electoral behavior in Russia: does the “Contract” of government and society work? *Politeia*. 2017;(3):42–61. (In Russ.).

16. Kiryanov I. K., Panov P. V. Historical specificity of Russian regions: an instrument for the analysis of political space heterogeneity. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022;16(4):53–63. (In Russ.). DOI [10.17072/2218-1067-2022-4-53-63](https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-4-53-63).
17. Shcherbak A. N., Sennikov E. V., Lisovsky T. A. Economic voting at the elections of 2011–2012. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2013;(4):168–183. (In Russ.).
18. Pechenkin N. M., Netkachev K. I. Protest socio-political mood of residents of the Far East in 2020 (on the example of Khabarovsk, Vladivostok, Blagoveshchensk). *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):169–175. (In Russ.). DOI [10.26794/2226-7867-2021-11-4-169-175](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-4-169-175).
19. Panov P. V. The specificity of capital cities in the electoral landscape of Russian regions: variability in the framework of the “center–periphery” disposition. *Political science (RU)*. 2024;(1): 76–97. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2024.01.03](https://doi.org/10.31249/poln/2024.01.03).
20. Lyubarev A. E. intraregional differences of electoral indices during the elections in Russia in 1995–2018. *Electoral Politics*. 2019;(1):3. (In Russ.).
21. Lyubarev A. E. Assessing territorial homogeneity of vote returns in the Russian Federation and its regions. *Electoral Politics*. 2021;(2):1. (In Russ.).
22. Turovsky R. F. Local government in Russia and evolution of political regime. *Pro Nunc*. 2015;(1):82–98. (In Russ.).
23. Velikaya N. M. The parties of the parliamentary opposition in the elections to representative bodies of local self-government in 2024. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):21–35. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2024.30.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.2).
24. Korneeva E. M. Local voting in Russia: a spatial-econometric approach. *Political science (RU)*. 2021;(3):229–250. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2021.03.10](https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.10).
25. Balabanova O. V., Kiselyov K. V., Kovin V. S. [et al.] Distinctive nature of local governments and municipal elections. *Electoral Politics*. 2022;(1):5. (In Russ.).
26. Samatareva K. A. Methodology of the study of urban political regime. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2017;(4):252–256. (In Russ.).
27. Lyubarev A. E. Municipal elections in Russia through a lens of electoral statistics. *Electoral Politics*. 2022;(2):1. (In Russ.).
28. Grishin N. V. Regional opposition in Russia: aliens in a hybrid regime. *Political expertise: POLITEX*. 2014;10(4):5–26. (In Russ.).
29. Pustovoyt Yu. A. “A counter-elite”: local power and its opponents in the Siberian megapolis. *Power and Elites*. 2019;6(1):48–70. (In Russ.). DOI [10.31119/pe.2019.6.1.4](https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.4).
30. Lapin V. S. Competitive authoritarian regime: tactics of opposition actors. *Comparative Politics Russia*. 2017;8(3):120–130. (In Russ.). DOI [10.18611/2221-3279-2017-8-3-120-130](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-120-130).
31. Dollbaum J. M. Curbing protest through elite co-optation? Regional protest mobilization by the Russian systemic opposition during the ‘for fair elections’ protests 2011–2012. *Journal of Eurasian studies*. 2017;8(2):109–122. DOI [10.1016/j.euras.2017.01.002](https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.01.002).
32. Schedler A. The politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism. Oxford: Oxford University Press; 2013. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199680320.003.0002](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199680320.003.0002).
33. Isiksel T, Pepinsky T. B. Voting in authoritarian elections. *American Political Science Review*. 2026;120(1):21–36. DOI [10.1017/S0003055425000085](https://doi.org/10.1017/S0003055425000085).
34. Gilley B. Democratic enclaves in authoritarian regimes. In: Croissant A., Haynes J. Twenty years of studying democratization. London: Routledge; 2016. P. 99–125.
35. Begadze M. Playbook of subnational illiberalism: Autocrats face the opposition-led local governments. *Hague Journal on the Rule of Law*. 2022;14(2-3):309–330. DOI [10.1007/s40803-022-00184-8](https://doi.org/10.1007/s40803-022-00184-8).
36. Usova V. A. Mixed independent electoral system and electoral authoritarianism. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2021;15(1):19–34. (In Russ.). DOI [10.17072/2218-1067-2021-1-19-34](https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-1-19-34).
37. Kynev A. V. Quality of regional political institutions: attempt of measurement. *Political science (RU)*. 2017;(4):259–283. (In Russ.).
38. Markhinin V. V. (jr) The environment of party competition: present state and prospects of party system in contemporary Russia (regional aspects). *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2018;2(3):345–355. (In Russ.).
39. Korneeva E. M. Reproduction of electoral voting patterns in the subnational elections. *Political science (RU)*. 2019;(2):198–218. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2019.02.10](https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.10).

40. Mukhametov R. S. Electoral preferences of voters: does the “friends and neighbors” voting matter in Russia? *Political science (RU)*. 2022;(4):165–184. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2022.04.08](https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.08).
41. Smyth R., Turovsky R. Legitimising victories: Electoral authoritarian control in Russia's gubernatorial elections. *Europe-Asia Studies*. 2018;70(2):182–201. DOI [10.1080/09668136.2018.1436697](https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1436697).
42. Dakhin A. V. System of power in Russia in the 2000s and the models of political government of the regions. *Polis. Political Studies*. 2009;(2):52–59. (In Russ.).
43. Zhukov V. N. Regional elections 2017–2021: overcoming the crisis of the party system. *Region: Systems, Economics, Management*. 2021;(4):87–91. (In Russ.). DOI [10.22394/1997-4469-2021-55-4-87-91](https://doi.org/10.22394/1997-4469-2021-55-4-87-91).
44. Kynev A. V., Lyubarev A. E. Parties and elections in Russia 2008–2022: A History of Decline. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2024. (In Russ.).
45. Lyubarev A. E., Maksimov A. N. [et al.] Regional and local elections of 8 September 2013: Trends, challenges and features. Moscow: Liberal Mission Foundation; 2014. (In Russ.).
46. Okunev I. Yu. Geographical favouritism of parties and systems. *Political science (RU)*. 2022;(4):90–106. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2022.04.04](https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.04).
47. Pustovoit Yu. A. Urban political regimes: the typology, reasons for formation, possibilities of actors. *BSU bulletin. Economy and Management*. 2017;(3):9–16. (In Russ.). DOI [10.18101/2304-4446-2017-3-9-16](https://doi.org/10.18101/2304-4446-2017-3-9-16).
48. Gorokhov A. V. Characteristics of regional results of opposition parties in Russia during the 2018–2022 elections. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2023;19(2):14–28. (In Russ.). DOI [10.37490/S221979310025441-8](https://doi.org/10.37490/S221979310025441-8).
49. Ishiyama J, Rybalko M. A rumbling from below? Opposition party rebranding, regional elections, and transforming the regime in Russia. In: Gregor M. [et al.] (eds) *Issues of Political Marketing*. London: Routledge; 2024. P. 58–73.
50. Tkacheva T. Yu., Turchenko M. S. City-council elections in Russia's regional capitals, 2014–2018: Self-nominess and factors of their success. *Political science (RU)*. 2019;(1):147–164. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2019.01.08](https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.08).
51. Gilev A. V., Shevtsova I. K. The conflict free arena? Effects of procedure of selecting local heads in large Russian cities. *Political science (RU)*. 2021;(2):260–281. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2021.02.10](https://doi.org/10.31249/poln/2021.02.10).

Received: 28.03.2025. Corrected: 30.09.2025. Accepted: 14.10.2025.

Author information:

Oleg I. Shatalov, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Humanities, Moscow City University. Moscow, Russia. shatalovoi564@mgpu.ru
ORCID: [0009-0001-5586-4944](https://orcid.org/0009-0001-5586-4944)